

НЕКОТОРЫЕ ОШИБКИ
МОЖНО ИСПРАВИТЬ

Второй Шанс: 1998

НОСТАЛЬГИЯ
БИЗНЕС
ВЫБОР
СЕМЬЯ

РОМАН

Милана Панова

Второй шанс: 1998

«Автор»

2026

Панова М.

Второй шанс: 1998 / М. Панова — «Автор», 2026

Андрею Лазареву сорок. За плечами у него развод и ипотека. Жизнь не сломалась, но просто тихо прошла мимо. Однажды ноябрьским вечером он засыпает под старую кассету из коробки с юношеским хламом, а просыпается 12 мая 1998 года. Ему снова восемнадцать, а до 17 августа, когда рубль рухнет втрое и страна проснётся нищей, остаётся ровно девяносто семь дней. Андрей знает, кто выиграет чемпионат мира во Франции, какие банки лопнут первыми, и что через одиннадцать лет появится странная цифровая монета, которую все будут считать игрушкой для чудаков. И точно знает, какие ошибки совершил в первый раз. Осталось самое сложное. Надо заработать первые деньги без денег, не потерять голову в городе, где у каждого ларька своя «крыша» и понять, почему он, кажется, не единственный, кто вернулся. Ностальгия по девяностым, бизнес с нуля и второй шанс для тех, кого когда-то не уберёг.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорок лет — ни о чём	5
Глава 2. Двенадцатое мая	9
Глава 3. Шесть рублей двенадцать копеек	15
Глава 4. Правила Павла Семёновича	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Милана Панова

Второй шанс: 1998

Глава 1. Сорок лет — ни о чём

Шестнадцатого ноября две тысячи двадцатого года Андрею Лазареву исполнилось сорок лет, девять месяцев и три дня. Юбилеем это не было, праздником тоже. Это был понедельник.

Он узнал об этом из телефона, который в семь утра показал ему уведомление банка: «Андрей Викторович, напоминаем о платеже по ипотеке». Следом пришло письмо от генерального: «Коллеги, в 10:00 созвон по итогам октября. Камеры включаем». Андрей полежал, глядя в потолок, на котором расплзалось жёлтое пятно — соседи сверху затопили его ещё весной, а он всё собирался поговорить. Потом встал и пошёл включать камеру.

Он работал начальником отдела продаж в компании «АкваСтандарт». Компания продавала смесители, унитазы и полотенцесушители оптом по Приволжскому федеральному округу и последние полгода медленно тонула — что для фирмы с таким названием было даже поэтично. Карантин закрыл половину строительных магазинов, вторая половина платила с задержкой в три месяца. Андрей руководил отделом из четырёх человек, двое из которых уже искали работу, а один искал её так откровенно, что включал камеру на фоне распечатанного резюме.

Созвон длился час сорок. Генеральный — Олег Палыч, пятидесятилетний мужчина с голосом прапорщика и привычкой говорить «по факту» — рассказывал о том, что «рынок сложный», что «надо включаться», и что «кто не тянет, тот, по факту, сам понимает». Андрей кивал в камеру и смотрел в соседнее окно, где у него был открыт курс биткоина.

Биткоин стоил шестнадцать тысяч семьсот долларов.

Андрей смотрел на эту цифру с тем же чувством, с каким смотрят на фотографию бывшей жены в новом свадебном платье. В две тысячи одиннадцатом году, когда ему был тридцать один, коллега по прошлой работе, айтишник Гоша, показал ему какой-то форум и сказал: «Смотри, биток по доллару. Купи сотку на пробу». Андрей тогда посмеялся. У него была свадьба на носу, кредит на «Форд Фокус» и твёрдое понимание, что деньги в интернете бывают только у мошенников. Гоша купил. Гоша сейчас жил на Бали и присылал в «Инстаграм» фотографии с доской для сёрфинга.

«Сто долларов, — привычно посчитал Андрей. — Сто монет. Миллион шестьсот семьдесят тысяч долларов».

Он закрыл вкладку. Считать чужие миллионы было его маленьким извращённым хобби, вроде расковыривания болячки.

— Лазарев, ты с нами? — спросил Олег Палыч.

— Да, Олег Павлович. Я вас внимательно.

— По факту — у тебя минус двадцать два процента к плану.

— Я знаю.

— И что ты с этим будешь делать?

Андрей хотел сказать правду: ничего. Потому что половина клиентов закрылась, а вторая половина покупает китайские смесители напрямую через маркетплейсы, и никакой «план» этого не изменит. Но правда в сорок лет стоит дороже, чем в двадцать. Особенно когда в конце месяца ипотека.

— Проработаю базу, — сказал он. — Подниму старых клиентов.

— Поднимай, — согласился генеральный. — Пока тебя самого не подняли.

Кто-то из бухгалтерии хихикнул и тут же выключил микрофон.

* * *

Вечером написала Ирина.

Бывшая жена писала ему редко и всегда по делу, так что каждое её сообщение Андрей открывал с тем же чувством, с каким открывают письмо из налоговой.

«Тимофею нужны деньги на репетитора по физике. 12 000 в месяц. Скинь до пятницы».

Он перевёл сразу — не потому, что было лишнее, а потому, что откладывать было бесполезно: всё равно придётся. Потом написал сыну: «Привет. Как дела? Как физика?»

Тимофею было четырнадцать. Сообщение он прочитал через минуту — две синие галочки загорелись почти сразу, — но ответил только через сорок минут: «норм».

Андрей долго смотрел на эти четыре буквы. Потом написал: «Может, на выходных в пиццу?» Галочки загорелись. Ответа не было.

Он пошёл на кухню, открыл холодильник и некоторое время стоял перед ним, как перед картиной в музее: внутри было половина пачки пельменей в морозилке, кетчуп, яйца и две бутылки пива «Жигулёвское», купленные в прошлую пятницу по акции. Андрей взял пиво, подумал и взял второе.

В девять вечера в общем чате класса — «11 «Б», выпуск 97, ВСЕ СЮДА!!!» — Серёга Пономарёв предложил устроить встречу в «Зуме». Серёга был старостой класса двадцать три года назад и, кажется, так и не смог остановиться. Теперь он владел тремя шиномонтажками, ездил на «Крузаке» и каждый год пытался собрать всех вместе.

«Народ, раз живую нельзя — давайте онлайн! В 21:30, ссылку кидаю!»

Андрей не собирался идти. Но пиво кончилось, пельмени закипали слишком долго, а в пустой квартире по вечерам было тихо так, что начинало звенеть в ушах. Он нажал на ссылку.

Их набралось девять человек. Девять квадратиков с лицами, которые Андрей узнавал с небольшой задержкой — как узнают знакомые улицы после долгого отъезда. Вот Катька Зуева, отличница, теперь стоматолог, располневшая и очень весёлая. Вот Димон Рыбин, бывший школьный хулиган, а ныне — вы не поверите — батюшка в сельском приходе, с бородой до груди. Вот Серёга на фоне ковра с оленями.

И вот Лена.

Лена Соколова включила камеру последней. Она сидела в светлой гостиной где-то в Подмоскowie, за её спиной на стене висели фотографии детей — двое, мальчик и девочка, уже почти взрослые. Она почти не изменилась. То есть изменилась, конечно: морщинки у глаз, короткая стрижка вместо длинной косы, очки. Но улыбка была та же. Та самая, от которой у восемнадцатилетнего Андрея когда-то подгибались колени.

— Андрюха! — заорал Серёга. — Лазарев! Живой!

— Живой, — сказал Андрей. — Местами.

Все засмеялись. Лена тоже улыбнулась, и Андрей почему-то отвёл глаза от экрана.

Говорили про обычное: кто где, у кого сколько детей, кто развёлся, кто переехал. Катька рассказывала, как она лечила зубы депутату областной думы. Батюшка Димон рассказывал, как освящал Серёгины шиномонтажки. Потом кто-то сказал:

— А помните, как мы Витьку в армию провожали?

И стало тихо.

Витька Шмелёв не учился в их классе — он был из параллельного, из «В», — но все его знали, потому что без Витьки не обходилась ни одна драка, ни одна дискотека и ни одна вылазка на Волгу. Он был лучшим другом Андрея с первого класса. Он провалил вступительные в девяносто седьмом, год проработал на авторынке и осенью девяносто восьмого ушёл в армию. В январе двухтысячного его привезли обратно — в цинке, с Кавказа. Ему было девятнадцать.

— Двадцать лет в январе будет, — тихо сказал Серёга. — Я к матери его заезжаю иногда. Она всё его комнату не трогает.

— Царствие небесное, — пробасил Димон и перекрестился.

Андрей молчал. Он знал то, чего не знал никто из сидящих в этих квадратах. Он знал, что летом девяносто восьмого Витька просил у него денег. Не много — тысячу рублей, новыми. Хотел купить с одним парнем с авторынка старую «девятку», перебить и перепродать, а на вырученное — заплатить кому надо в военкомате, чтобы отсрочку сделали. «Мне на год, Андрюх, — говорил он. — Через год разбогатею и отдам». У Андрея тогда была тысяча — копил на музыкальный центр «Айва». И он отказал. Не потому, что жалко. А потому, что в восемнадцать лет не веришь, что с твоими друзьями может что-то случиться.

Потом был дефолт, машина стала никому не нужна, а осенью Витьку забрали.

Андрей никогда никому об этом не рассказывал.

— Андрюх, ты чего завис? — спросил Серёга.

— Связь плохая, — сказал Андрей. — Пойду я, ребят. Завтра рано.

Он вышел из конференции раньше, чем успел увидеть, как Лена машет ему на прощание.

* * *

Спать не хотелось. Андрей ходил в магазин у дома, купил бутылку коньяка — того, что по акции, с тремя звёздочками и честным лицом производителя на этикетке, — и вернулся домой.

Потом, после второй рюмки, он зачем-то полез на антресоль.

Там лежали коробки, которые он перевёз от родителей, когда продавали их старую квартиру после маминей смерти. Пять лет он к ним не прикасался. Три коробки: «книги», «документы» и одна без надписи, заклеенная синим скотчем.

В коробке без надписи обнаружилась его юность. Пейджер «Моторола» с треснувшим экраном. Тамагочи без батареек. Пачка журналов «Хакер» и «Игромания». Фотографии в конверте «Кодак». Значок «Nirvana». И кассетный плеер «Сони», тяжёлый, серебристый, с потёртой кнопкой «Play». В плеере была кассета.

На кассете шариковой ручкой, его собственным корявым почерком, было написано: «Май 98. Не стирать!!!»

Андрей не помнил, что там. Он повертел плеер в руках, нашёл в ящике стола пару батареек от пульта — вот так удача, АА, подошли — и надел старые наушники с поролоновыми подушечками, которые рассыпались под пальцами в желтоватую пыль.

Нажал «Play».

Сначала было шипение. Потом — треск, как будто кто-то возился с микрофоном. А потом голос. Его голос, только выше, звонче, моложе на двадцать два года:

«Раз, раз... Короче, это послание самому себе в будущее. Мне восемнадцать, сегодня одиннадцатое мая девяносто восьмого. Андрей, если ты это слушаешь, значит, тебе уже... ну, типа, много. Лет сорок, может. Я хочу спросить: ты крутой? У тебя есть джип? Ты женился на Ленке?»

Послышался смех — его собственный и чей-то ещё. Хриплый, басовитый. Витькин.

«Дай сюда, — сказал Витька где-то рядом с микрофоном. — Андрюха из будущего, это Витёк. Если ты там ещё не миллионер — значит, ты лох. Всё, конец связи».

Шипение. Щелчок.

Андрей сидел на полу в тёмной комнате, прижав наушники к ушам ладонями, и понял, что плачет — впервые, наверное, лет за десять. Некрасиво, по-мужски, беззвучно. Он плакал о Витьке, о маме, о Лене, о тысяче рублей и музыкальном центре «Айва», о биткоине по доллару и о четырёх буквах «норм» в телефоне сына. О сорока годах, которые прошли так, будто их кто-то промотал на ускоренной перемотке.

«Нет, Витёк, — подумал он. — Я не крутой. И не миллионер. Я лох».

Он перемотал кассету назад и нажал «Play» ещё раз. И ещё. На пятый раз он уснул прямо на полу, привалившись спиной к дивану, под хриплое шипение старой плёнки.

Последнее, что он слышал, — голос Витьки: «Всё, конец связи».

А потом кто-то очень знакомо сказал над самым его ухом:
— Андрюша, вставай. Пары проспишь.

Глава 2. Двенадцатое мая

Первым вернулось обоняние.

Пахло сырниками. Не теми, что продаются замороженными в пакетах, а настоящими — на сковородке, в подсолнечном масле, чуть подгоревшими по краям. Так пахло только в одном месте на земле, и этого места не существовало уже пять лет.

Потом вернулся слух. Где-то за стеной бормотало радио: «...шахтёры Кузбасса продолжают блокировать Транссибирскую магистраль... правительство Сергея Кириенко...» Звякнула крышка кастрюли. Хлопнула дверь в ванную.

— Андрюша! Я второй раз не буду звать!

Андрей открыл глаза.

Над ним был потолок. Белый, в мелких трещинках, с люстрой-«тарелкой», на которой не хватало одного плафона — он разбил его в девятом классе мячом, и отец так и не собрался купить новый. Слева, на стене, висел плакат «Prodigy» — злобный Кит Флинт с зелёными рожками. Справа — ковёр. Красный, с узором, на котором в детстве он искал лица.

Андрей сел. Слишком легко сел — без привычного хруста в пояснице, без того тяжёлого стариковского усилия, которое появилось у него годам к тридцати пяти. Тело было лёгким, как пустая коробка.

Он посмотрел на свои руки. Худые, жилистые, с обгрызенными ногтями — он бросил грызть ногти в двадцать пять, когда впервые пошёл на серьёзное собеседование. На костяшке правой — свежая ссадина. На запястье — плетёная фенечка, который ему сплела... Лена. Точно. Лена сплела ему фенечку на Первое мая.

«Спокойно, — сказал себе Андрей. — Это сон. Выпил коньяку, наслушался кассеты, вот и снится».

Он встал, подошёл к зеркалу на дверце шкафа и некоторое время смотрел на человека в нём.

Человеку было восемнадцать лет. Он был тощий, как вешалка, в растянутой майке с логотипом «Чикаго Буллз» и семейных трусах в клеточку. У него была дурацкая стрижка — «под горшок», с чёлкой, как у всех в девяносто восьмом, — прыщ на подбородке и совершенно оторопелое лицо.

Андрей ущипнул себя за руку. Больно. Ударил ладонью по зеркалу. Зеркало задребезжало.

— Андрей! — раздалось из-за двери. — Ты что там, дерёшься с кем-то?

И дверь открылась.

На пороге стояла мама.

Ей было сорок три года. На ней был синий халат в мелкий цветочек, волосы собраны в хвост, в руке лопатка для сковородки. Она была молодая, здоровая, с румянцем на щеках, и смотрела на него с тем выражением, которое бывает только у матерей восемнадцатилетних сыновей: смесь нежности, усталости и готовности дать подзатыльник.

Андрей помнил её другой. Последний год — худую, почти прозрачную, в хосписе, с катетером в руке. Помнил, как она перестала узнавать его в последнюю неделю. Помнил похороны в феврале, мокрый снег, сломанную лопату у могильщика.

— Мам, — сказал он. Голос сорвался.

— Что — «мам»? Полвосьмого! У тебя первая пара в девять!

Он шагнул к ней и обнял. Крепко, неловко, уткнувшись носом в её плечо, в халат, который пах сырниками, стиральным порошком «Лотос» и её духами — «Красная Москва», она берегла их только для особых случаев, но всё равно ими пахла.

Мама замерла. Потом осторожно похлопала его по спине лопаткой.

— Ты чего? Заболел? — Она отстранилась, потрогала ему лоб. — Горячий вроде нет. Андрюш, ты пил вчера, что ли?

— Нет. Просто... сон плохой приснился.

— Ну приснился и приснился. — Она ещё раз посмотрела на него внимательно, с подозрением. — Иди умывайся. И не вздумай опять без завтрака убежать.

Она ушла. Андрей стоял посреди комнаты и дышал, как после стометровки.

* * *

На кухне всё было именно так, как он помнил. И одновременно — совсем иначе, потому что память, оказывается, стирает мелочи. Он забыл про клеёнку на столе — жёлтую, в подсолнухах, с прожжённым пятном у края. Забыл про календарь на стене — перекидной, с котятами, от местной страховой компании. Забыл про холодильник «Зил», который гудел так, будто собирался взлететь.

Календарь показывал: май 1998. Двенадцатое число было обведено красным карандашом — мамина рука, мамина привычка отмечать «сегодня».

Отец сидел за столом в майке и трениках и читал газету «Аргументы и факты». Отцу было сорок шесть. Он был крупный, с залысинами, с усами, которые он сбрил в две тысячи пятом и о которых Андрей совершенно забыл. Отец работал главным инженером на заводе «Промприбор», который уже тогда, в девяносто восьмом, дышал на ладан и платил зарплату с опозданием на три месяца.

В две тысячи двадцатом отец жил один в однушке на окраине, смотрел телевизор с утра до ночи и звонил Андрею по воскресеньям. Разговоры длились три минуты: «Как ты?» — «Нормально, пап». — «Ну, давай».

— Здорово, студент, — сказал отец, не отрываясь от газеты. — Опять до ночи в компьютер свой играл?

— Нет, пап. Спал.

— Ну-ну.

За столом сидела ещё и Настька — младшая сестра, двенадцать лет, с двумя хвостиками и выражением бесконечного презрения ко всему миру. Она ковыряла сырник вилкой и одновременно читала журнал «Cool Girl».

В две тысячи двадцатом Настя жила в Германии, работала в фармкомпании и звонила Андрею на день рождения. Они были вежливы друг с другом, как дальние знакомые.

— Чего уставился? — буркнула Настька.

— Ничего, — сказал Андрей. — Рад тебя видеть.

Настя посмотрела на него, как на идиота. Мама, стоявшая у плиты, обернулась.

— Вить, он точно заболел, — сказала она отцу. — С утра обниматься лезет.

— Влюбился, — не отрываясь от газеты, сказал отец. — В Ленку свою. Возраст.

Андрей сел за стол. Мама поставила перед ним тарелку с тремя сырниками, сметану в пиалке и чай в кружке с отбитой ручкой. Он откусил сырник — и чуть не заплакал снова. Это было глупо, стыдно и совершенно невыносимо: такой вкус нельзя подделать ни во сне, ни в бреду.

Радио на подоконнике — пластмассовое, трёхпрограммное, «Россия» — продолжало бормотать: «...курс доллара на торгах Московской межбанковской валютной биржи составил шесть рублей...»

Андрей медленно поднял голову.

— Пап, — сказал он. — Какое сегодня число?

— Двенадцатое, — сказал отец. — Вторник. А что?

— Мая девяносто восьмого?

Отец наконец оторвался от газеты и посмотрел на сына поверх очков.

— Нет, блин, тридцать седьмого. Ты чего, правда перезанимался?

Двенадцатое мая. Андрей мысленно отсчитал: май, июнь, июль. Семнадцатое августа — понедельник, дефолт, заявление правительства и Центробанк. Девяносто семь дней. Он знал эту дату так же хорошо, как свой день рождения, — потому что в тот день его семья потеряла всё, что копила десять лет.

— Пап, — осторожно сказал он. — А у нас деньги где лежат?

Отец отложил газету. Мама обернулась от плиты.

— Это ещё зачем? — спросил отец.

— Просто. Интересно.

— Интересно ему. — Отец хмыкнул. — В Сбербанке лежат. На книжке. Где им ещё лежать? А осенью возьмём «девятку», как собирались, у Колькиного свояка. Он говорит, почти новая, девяносто четвёртого года.

Андрей вспомнил. На книжке у родителей было двадцать с лишним тысяч рублей — огромные деньги по тем временам, десять лет откладывания с двух зарплат. Около трёх с половиной тысяч долларов по нынешнему курсу. После дефолта, когда доллар за месяц взлетел с шести до двадцати, эти деньги превратились в тысячу долларов. А потом, по мере инфляции, — и вовсе в пыль. «Девятку» так и не купили. Отец с тех пор больше никогда ничего не копил.

«Спокойно, — сказал себе Андрей. — Не сейчас. Сейчас ты им ничего не докажешь».

— Я просто подумал, — сказал он, — может, лучше в доллары перевести? На всякий случай.

Отец посмотрел на него с искренним интересом, как на говорящую собаку.

— Это с чего вдруг?

— Ну... мало ли. Страна у нас такая.

— Страна у нас как раз наконец-то нормальная, — сказал отец назидательно. — Валютный коридор, Центробанк держит курс. Кириенко — молодой, грамотный, экономист. Инфляция — сколько там? — десять процентов в год. Первый раз за десять лет нормально живём. Я в девяносто втором уже один раз перепрыгивал в доллары, помнишь, мать? Потом за копейки продавал.

— Помню, — вздохнула мама.

— Вот. Нечего в панику бросаться. Ешь давай, умник.

Андрей ел сырники и молчал. Он понимал, что только что проиграл первый раунд. И понимал ещё одну вещь, более важную: отец не поверит ему никогда. Не потому что глупый. А потому что Андрей для него — восемнадцатилетний пацан, который ещё вчера не мог сам купить себе ботинки. Нельзя прийти к отцу и сказать: «Пап, я знаю будущее». Можно только доказать.

А для доказательства нужны были деньги. Свои.

* * *

В институт он, разумеется, не пошёл.

Он вышел из подъезда в десять утра — в джинсах-«варёнках», которые с утра показались ему чудовищными, в кроссовках «Адидас» китайского производства с четырьмя полосками вместо трёх и в олимпийке, — и остановился, шурясь от солнца.

Верхнекамск девяносто восьмого года лежал перед ним, как старая фотография, в которую можно войти.

Двор был тот же и не тот. Не было парковки, забитой машинами в два ряда, — вместо неё стояли три «жигуля», «Москвич» с ржавым крылом и чья-то «Волга» на кирпичках. Не было детской площадки с яркими пластиковыми горками — вместо неё были железные качели, выкрашенные в синий, и песочница с грибком. На лавочке у подъезда сидели бабки. Живые, настоящие, в платках. Андрей помнил их имена: баба Зина, баба Люда и третья, которую все звали Прокуроршей.

— Здравствуйте, — сказал Андрей.

— Здрасьте, здрастье, — отозвалась Прокурорша и проводила его взглядом.

Он пошёл по улице Ленина к центру. И с каждым шагом девяносто восьмой год наваливался на него всё плотнее.

Ларьки. Бесконечные ряды ларьков — «комков», как их тогда называли, — с решётками на окошках, за которыми громоздились пирамиды из банок «Спрайта», шоколадок «Марс», пачек «Мальборо» и бутылок водки «Распутин» с подмигивающим бородачом на этикетке. Возле одного ларька курили двое в кожаных куртках и спортивных штанах. Андрей машинально опустил глаза — рефлекс, который сработал раньше, чем он успел о нём вспомнить.

Троллейбус, дребезжащий и рогатый, с рекламой на боку: «Инкомбанк — надёжность, проверенная временем». Андрей хмыкнул. Инкомбанк рухнет через пару месяцев после дефолта, и лицензию у него отзовут.

Обменный пункт с табличкой, написанной фломастером: «USD покупка 6,10 — продажа 6,18. DM покупка 3,40...» Дойчмарки. Андрей постоял возле таблички, как турист у памятника.

Киоск «Союзпечать» с газетами. «Московский комсомолец», «Спид-Инфо», «Коммерсантъ». Андрей купил «Коммерсантъ» за два рубля пятьдесят копеек — новыми, после деноминации, хотя продавщица сказала «две пятьсот», по-старому — и пролистал. Биржевые сводки, облигации ГКО с доходностью под сорок процентов годовых, интервью с каким-то банкиром, который уверял, что российский финансовый рынок стабилен как никогда. Андрей сложил газету и сунул её в карман олимпийки. Надо будет перечитать внимательно.

Видеосалон с афишей «Титаник» — всё ещё шёл, уже третий месяц. Рядом — компьютерный клуб «Матрица», в котором за десять рублей в час можно было играть в «Квейк» по сети. Андрей вспомнил, что проводил здесь вечера — все вечера — всю весну девяносто восьмого. Вместо учёбы. Вместо Лены.

Он остановился посреди улицы.

Люди обходили его. Кто-то толкнул плечом, кто-то буркнул «чего встал». Машины сигналили на перекрёстке. Из открытого окна на втором этаже орала музыка. Андрей стоял и чувствовал, как внутри него медленно, со скрипом, поворачивается огромный ржавый механизм.

Он не сошёл с ума. Это не сон. Он здесь. В мае девяносто восьмого. И у него девяносто семь дней до того момента, когда вся эта страна, со всеми её ларьками, троллейбусами и бабками на лавочках, проснётся на двадцать с лишним лет беднее.

А он знает. Знает всё. Не в деталях — он никогда не был экономистом, не читал аналитику, не следил за курсами. Но он знает главное. Знает, что будет. Знает, кто выиграет. Знает, кто умрёт.

Витька.

Андрей развернулся и почти побежал.

* * *

Авторынок находился на окраине, у старой промзоны, — огромный пустырь, заставленный машинами, с шашлычной в вагончике и туалетом, в который лучше было не заходить. По выходным здесь было не протолкнуться, а в будний день бродило человек двадцать — перекупщики, пара растерянных покупателей и милиционер, который никуда не смотрел.

Витька нашёлся возле синей «восьмёрки» с поднятым капотом. Он стоял, по пояс засунувшись в двигатель, и матерился — вдохновенно, с душой, как умел только он.

Андрей остановился в трёх шагах.

Он помнил Витьку живым. Но помнил плохо, — это он понял только сейчас. Память хранила одну-две фотографии, похороны, закрытый гроб и мать Витьки, тётю Галю, которая выла так, что было слышно на другом конце кладбища. А живого — нет. Живого память стёрла, как стирают неудобное.

Витька вынырнул из-под капота. Он был широкий, коренастый, с короткой стрижкой «ёжиком», весь перемазанный маслом, в тельняшке и камуфляжных штанах. У него были веснушки, которые Андрей тоже забыл, и сломанный в восьмом классе нос.

— О! — сказал Витька. — Андрюха! Ты чего не в институте?

Андрей молчал.

— Ты чего? — Витька вытер руки о тряпку. — Случилось что? У тебя лицо, как будто тебе Ленка отказала.

— Нет, — сказал Андрей. — Нормально всё. Просто... соскучился.

— Соскучился? — Витька заржал. — Мы вчера до двух ночи сидели. Ты чего, до сих пор не протрезвел? Мы ещё кассету записывали, помнишь? Послание в будущее, блин. Ты с «Мартини» своего совсем окосел.

Кассета. Одиннадцатое мая. Вчера.

— Помню, — медленно сказал Андрей. — Помню, Вить.

— Ну вот. — Витька хлопнул его по плечу тяжелой масляной ладонью. — Слушай, раз уж ты пришёл. Дело есть. Серьёзное.

Андрей почувствовал, как у него холодеет в животе.

— Какое дело?

— Короче. — Витька оглянулся и понизил голос. — Тут один мужик, Гарик, «девятку» продаёт. Битую, но движок живой. Он за неё просит всего полторы. Если с кузовом повозиться — продадим за три, а то и за три с половиной. Я уже с Толяном договорился, он покрасит в гараже. Мне только свои полштуки добавить не хватает. Одолжишь? Я тебе через месяц с процентами отдам, честно.

Это был тот же разговор. Почти слово в слово. Только тогда он случился в июле, а не в мае. Или Андрей просто неправильно запомнил? Или... что-то уже начало меняться?

— А зачем тебе? — спросил он. — Ну, кроме денег.

Витька замаялся. Отвёл глаза.

— Повестка пришла, — сказал он неохотно. — На осень. Мать ревёт. А Толян говорит — в военкомате есть человек. Если занести, то отсрочку по здоровью нарисуют. Там ценник — тыща. Долларов, понял? Мне бы на машине подняться — и я вообще никуда не пойду. Мать одна, ей тяжело. Да и чего я там забыл, в армии?

Андрей смотрел на Витьку. На его веснушки, на сломанный нос, на масляные разводы на тельняшке. На девятнадцатилетнего пацана, которого через полтора года привезут домой в запаянном ящике.

— Вить, — сказал Андрей. — У меня сейчас нет. Но будет.

Витька поскурился.

— Ну да. Понятно.

— Нет, ты не понял. — Андрей шагнул к нему и взял за плечо. Крепко, так, что Витька удивлённо поднял брови. — Слушай меня внимательно. Ты в армию не пойдёшь. Я тебе обещаю. Я найду деньги. Не полштуки — больше. Но тебе нужно сделать одну вещь.

— Какую?

— Не связывайся с Гариком. Не покупай у него машину.

— Это ещё почему?

Андрей не знал почему. То есть знал — к осени машина станет неликвидом, никто не будет покупать ничего, кроме хлеба и водки, — но объяснить это было невозможно.

— Просто поверь. Я тебе когда-нибудь врал?

Витька подумал.

— В шестом классе. Про то, что у тебя дядя в Америке.

— Кроме этого.

— Ну... нет.

— Вот. — Андрей отпустил его плечо. — Дай мне две недели. Две недели, Вить. Я приду с деньгами.

Витька смотрел на него долго, задумчиво, как смотрят на незнакомого человека, который вдруг заговорил голосом старого друга. Потом хмыкнул.

— Ты какой-то не такой сегодня, Андрюх. Как будто старше стал.

— Бывает, — сказал Андрей. — Повзрослел за ночь.

Глава 3. Шесть рублей двенадцать копеек

Вечером Андрей сидел в своей комнате, заперев дверь, и писал в школьной тетради в клеточку.

Тетрадь была старая, недописанная — первые двенадцать страниц занимали конспекты по высшей математике, которые он явно списывал у кого-то, потому что почерк менялся трижды. С тринадцатой страницы Андрей начал новую жизнь.

Вверху он крупно вывел: «ЧТО Я ЗНАЮ». И подчеркнул дважды.

Список получался странный. Сорокалетний мозг, как выяснилось, хранил будущее кусками — как старый жёсткий диск, на котором половина секторов битая. Что-то он помнил чётко, до числа и часа. Что-то — смутно, на уровне «было что-то такое». А что-то, что наверняка знали все, он не помнил совсем, потому что никогда не обращал внимания.

Он писал:

«17 августа — дефолт. Правительство перестаёт платить по ГКО. Рубль отпускают. К сентябрю доллар — около 20. Банки: Инкомбанк, СБС-Агро, Империял, Менатеп — все лягут. Деньги в них не вернуть. Сбербанк — выживет, но рублёвые вклады сожрёт инфляция.

Кириенко — отставка после дефолта. Потом Примаков.

Чемпионат мира по футболу — Франция, с 10 июня по 12 июля. Выиграет Франция. В финале — Бразилия, 3:0. Зидан — два гола головой. Роналдо перед финалом что-то случилось, какой-то приступ, играл плохо.

Хорватия — третье место. Шукер — лучший бомбардир.

Сентябрь 98 — в Америке регистрируют Google. Акций нет, купить нельзя.

Apple — Джобс вернулся, только что показали iMac. Акции стоят копейки. Купить из России — никак. Пока.

Биткоин — 2009. Одиннадцать лет. Сначала почти бесплатно. Первые покупки — за пищу, в 2010-м.

Витька — осенью 98 в армию. Январь 2000 — погиб.

Мама — рак. Нашли в 2014, поздно. Проверять раньше. Каждый год».

На последнем пункте рука дрогнула. Андрей положил ручку и некоторое время сидел, глядя в окно.

За окном был май. Цвели яблони во дворе, пацаны гоняли мяч возле гаражей, из соседнего окна кто-то крутил «Руки Вверх», и от этого было одновременно смешно и больно. Мама на кухне гремела посудой. Отец смотрел «Поле чудес» — нет, «Поле чудес» было по пятницам, значит, какой-то сериал. «Санта-Барбару», наверное. Нет. Её уже закрыли.

Андрей понял, что не помнит, что шло по телевизору в мае девяносто восьмого. И от этого почему-то стало страшно. Он знает не всё. Далеко не всё. Он — не пророк с полным расписанием будущего, а обычный мужик, который прожил двадцать два года, глядя под ноги.

Он снова взял ручку и открыл новую страницу. Написал: «ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ».

Эта страница заполнилась быстро.

Наличные: 340 рублей — в коробке из-под кроссовок на шкафу. Копил на музыкальный центр. Остальное, видимо, уже потратил.

Стипендия: 83 рубля в месяц. Смешно.

Имущество: компьютер. «Пентиум-133», шестнадцать мегабайт памяти, собранный отцом по знакомым на заводе. Стоил когда-то бешеных денег, сейчас — рублей восемьсот, если найти покупателя. Приставка «Сева». Магнитофон. Плеер. Коллекция кассет.

Связи: никаких.

Опыт: восемнадцать лет, первый курс политеха. И двадцать два года торговли сантехникой, которые здесь никому не нужны.

Андрей посмотрел на эту страницу и засмеялся. Тихо, чтобы не услышала мама.
— Ну что, прогрессор, — сказал он себе вслух. — С чего начнём?

* * *

Начать стоило с очевидного.

Деньги в девяносто восьмом можно было заработать тысячей способов, и ни один из них не подходил восемнадцатилетнему студенту без капитала. Купить валюту — нужны рубли. Торговать — нужен товар, место и «крыша». Открыть фирму — нужны деньги на регистрацию, бухгалтера и опять же «крышу». Вложиться в акции — нужен брокер, счёт, и опять деньги, деньги, деньги.

Но был один способ, при котором знание будущего превращалось в деньги без всяких посредников. Способ, который описан в каждой второй книжке про попаданцев, — Андрей почитывал такие в электричке на дачу, — и который все эти книжки описывали как самый банальный.

Ставки на спорт.

Чемпионат мира стартовал десятого июня. До него было четыре недели. Андрей точно знал победителя. Точно знал счёт финала. Кое-что помнил про полуфиналы и сенсации группового этапа — Хорватия, которая дошла до медалей, хотя никто на неё не ставил; вылет Испании в группе.

А букмекерские конторы в Верхнекамске уже были. Две, насколько он помнил. Одна — где-то возле центрального рынка, в полуподвале, под вывеской «Лото-Спорт». Туда ходили мужики с рынка, таксисты и, как говорили, бандиты. Вторая — на вокзале.

Проблема была в деньгах. Триста сорок рублей. Пятьдесят с небольшим долларов. Даже если ставить на Францию с коэффициентом — сколько там было перед турниром? Пять? Шесть? — это превратится в две тысячи. Может быть. Две тысячи рублей — это четыре месячные зарплаты отца, но совсем не капитал. Этого мало даже для того, чтобы выкупить Витьку у военкомата.

Нужно было больше. Нужно было поднять ставку.

Андрей встал, открыл шкаф и снял с полки коробку с «Сегой». Серая, с двумя джойстиком, с пачкой картриджей: «Мортал Комбат 3», «Соник», «Червяк Джим», «Роад Раш». Шестнадцать картриджей — предмет гордости и зависти всего двора.

«Прости, дружище», — подумал он.

* * *

Утром Андрей разобрался с тем, что можно было продать.

«Сегу» с картриджами он загнал на радиорынке за четыреста пятьдесят рублей — перекупщик, пожилой армянин в кепке, долго крутил приставку в руках, дул в разъёмы картриджей и торговался так, будто покупал Андрея вместе с ней. Андрей торговался в ответ. Двадцать лет продаж смесителей в регионы не прошли даром: он знал, когда нужно молчать, когда нужно делать вид, что уходишь, и когда нужно назвать цену первым. Армянин в итоге посмотрел на него с уважением и сказал:

— Ты, парень, в торговлю иди. Не пропадёшь.

— Уже был, — сказал Андрей. — Не понравилось.

Кассеты ушли за сто двадцать. Плеер «Сони» — тот самый, серебристый — Андрей подержал в руках, подумал и сунул обратно в карман. Нет. Этот — не продаётся.

Компьютер было жалко больше всего, но и продавать его было нельзя: отец собирал его сам, по винтику, два месяца. Если компьютер исчезнет — начнутся вопросы, на которые у Андрея не было ответов.

Итого: триста сорок, плюс четыреста пятьдесят, плюс сто двадцать. Девятьсот десять рублей.

Мало. Всё равно мало.

Он постоял на выходе с радиорынка, под козырьком, глядя на поток людей. И тут в голову пришла мысль — настолько очевидная, что он удивился, как не подумал сразу.

Одалживать не нужно. Нужно ставить не на одну Францию.

Он вспомнил, как в двадцатом году от скуки читал статью на каком-то спортивном сайте: «Десять самых невероятных сенсаций в истории чемпионатов мира». Там был девяносто восьмой. Хорватия, дебютант, впервые на мировом первенстве, — третье место. На неё ставили один к сорока, а то и больше.

Если поставить на Хорватию в тройку — не на победу, на медали, — коэффициент будет ниже, но всё равно приличный. Экспресс Франция плюс Хорватия — ещё выше. Но экспрессы на долгосрочные исходы в девяносто восьмом, скорее всего, не принимали. Нужно было смотреть на месте.

Андрей пересчитал деньги в кармане. Девятьсот десять рублей в потрёпанных купюрах — пятидесятирублёвки с Исаакиевским собором, десятки с Красноярском, мелочь. Меньше полутора сотен долларов.

Если всёйдёт хорошо — это превратится в четыре-пять тысяч. Может, в шесть.

Шесть тысяч рублей в июле девяносто восьмого — это тысяча долларов. Витькина отсрочка. Или — если перевести в доллары до семнадцатого августа — к сентябрю это будет двадцать тысяч рублей. Полноценный старт.

«Удвоить-утроить на ставках, утроить на дефолте, — подумал Андрей. — Схема, достойная первокурсника».

Он пошёл к центральному рынку.

* * *

«Лото-Спорт» располагался ровно там, где Андрей и помнил: в полуподвале пятиэтажки, между парикмахерской «Локон» и магазином «Всё для дома». Вниз вели шесть бетонных ступенек, над дверью висел жестяной козырёк, а на двери — лист А4 с надписью маркером: «Приём ставок на ЧМ-98! Высокие коэффициенты!»

Внутри было темно, накурено и тесно. Вдоль стены тянулась стойка с окошком, за которым сидела крашеная блондинка лет сорока в мохеровой кофте. На стене висела доска — настоящая школьная доска, зелёная, — на которой мелом были написаны матчи и коэффициенты. Под потолком гудел телевизор, показывая какие-то скачки.

В зале было человек семь. Двое мужиков в спецовках изучали доску, беззвучно шевеля губами. Худой парень в очках что-то писал в блокноте. У стойки стоял высокий дядька в кожаном плаще — не по погоде, в мае, — и разговаривал с блондинкой тихо, наклонившись к окошку.

А в углу, на пластиковом стуле, сидел ещё один человек, на которого Андрей сначала не обратил внимания. Мужчина лет пятидесяти, в сером пиджаке, с седыми висками и аккуратной бородкой. Он читал «Советский спорт» и выглядел так, будто пришёл сюда не играть, а переждать дождь.

Андрей подошёл к доске.

«ЧМ-98. Победитель турнира».

Бразилия — 3,5.

Германия — 5.

Франция — 6.

Италия — 7.

Аргентина — 8.

Англия — 9.

Нидерланды — 9.

Испания — 10.

Ниже, мелким почерком, остальные. Хорватия — 50.

Андрей почувствовал, как колотится сердце. Шесть. Франция — шесть. Девятьсот рублей превратятся в пять тысяч четыреста.

А ниже, в углу доски, была ещё одна строчка, дописанная, видимо, недавно, потому что мел был ярче: «Точный счёт финала — по запросу, коэф. от 25».

Андрей замер.

Точный счёт финала. Он знал точный счёт финала. Три — ноль. Франция — Бразилия. Если поставить на это, даже сотню рублей... Коэффициент на такой исход — с учётом того, что нужно угадать обоих финалистов и счёт, — мог быть сотни. Сто рублей превращались в десятки тысяч.

Но это было опасно. Опасно по-настоящему. Андрей был не настолько наивен, чтобы не понимать: букмекерская контора в провинциальном городе в девяносто восьмом году — это не про честный бизнес. Если какой-то пацан поставит на точный счёт финала за месяц до начала турнира и выиграет — к нему придут. Не с поздравлениями. Придут выяснять, откуда он знал. И вопросы будут задавать не словами.

Нет. Нужно без жадности. Франция на победу — это нормально, это ставят многие. Франция — шестая в списке фаворитов, хозяйка турнира. Никто не удивится.

Андрей подошёл к окошку. Высокий в кожаном плаще как раз отошёл, бросив на Андрея короткий оценивающий взгляд.

— Ставку, — сказал Андрей блондинке. — На победителя чемпионата.

— На кого? — Блондинка даже не подняла глаз от кроссворда.

— Франция.

— Сколько?

— Девятьсот.

Блондинка подняла глаза. Посмотрела на Андрея — на его олимпийку, на чёлку «под горшок», на прыщ на подбородке — с тем выражением, с каким смотрят на ребёнка, который пришёл в магазин с копилкой.

— Девятьсот рублей? — переспросила она. — Мальчик, у тебя мама знает?

— Мне восемнадцать, — сказал Андрей. — Паспорт показать?

Блондинка пожала плечами и достала бланк. Андрей протянул деньги — всю пачку, потёртые пятидесятки и десятки, — и смотрел, как она пересчитывает их дважды, послунявив палец.

— Девятьсот десять, — сказала она.

— Девятьсот. Десятку оставьте себе. На удачу.

Блондинка хмыкнула, но десятку забрала. Выписала квитанцию — жёлтый листок под копирку, с печатью «Лото-Спорт» и неразборчивой подписью. «Победитель ЧМ-98 — Франция. Ставка 900 руб. Коэф. 6,0. Возможный выигрыш — 5400 руб.».

Андрей сложил квитанцию вчетверо и спрятал во внутренний карман олимпийки. Руки чуть дрожали.

Всё. Первый шаг сделан.

Он повернулся к выходу — и столкнулся взглядом с мужчиной в сером пиджаке.

Мужчина больше не читал газету. Газета лежала у него на коленях, сложенная. А сам он смотрел на Андрея — спокойно, внимательно, чуть прищурившись. Так смотрят на знакомого, которого давно не видели и не сразу узнали.

Потом он встал, неторопливо подошёл к окошку, наклонился и сказал блондинке:

— Точный счёт финала, Людочка. Франция — Бразилия, три — ноль. Сто рублей.

Блондинка засмеялась.

— Пал Семёныч, вы опять? Франция с Бразилией в финале? Да ещё три — ноль? Там коэффициент какой будет, я даже не знаю. Надо у Рустама спрашивать.

— Спроси, Людочка. Я подожду.

Андрей стоял у двери, не в силах сделать шаг. Внутри всё онемело.

Три — ноль. Франция — Бразилия.

Мужчина в сером пиджаке обернулся. Посмотрел на Андрея ещё раз — и едва заметно, самыми краешками губ, улыбнулся.

— Хорошая погода сегодня, молодой человек, — сказал он. — Для мая девяносто восьмого — просто замечательная. Вы не находите?

И Андрей понял, что он здесь не один.

Глава 4. Правила Павла Семёновича

Из «Лото-Спорта» они вышли вместе, как будто так и договаривались.

Павел Семёнович поднялся по бетонным ступенькам первым, неторопливо, придерживаясь за перила. Остановился наверху, под жестяным козырьком, достал из кармана пиджака пачку «Явы» и закурил. Андрей вышел следом и встал рядом, не зная, что сказать. В голове было пусто и звонко, как в пустой кастрюле.

— Людочка ставку не примет, — сказал Павел Семёнович, выпуская дым. — Она никогда не принимает. Рустам запретил мне ставить на точный счёт ещё зимой, после Олимпиады в Нагано. Я тогда на хоккей угадал. Чехи — русские, один — ноль, финал. Он заплатил, но с таким лицом, что больше я не пробовал.

— Тогда зачем? — спросил Андрей. Голос прозвучал хрипло.

— Маяк. — Павел Семёнович пожал плечами. — Я прихожу сюда раз в неделю. Сижу, читаю газету. И иногда говорю вслух что-нибудь, что может понять только... ну, вы понимаете кто. И смотрю на лица. За два года — ни одного. А сегодня вы.

— Как вы поняли?

— Вы поставили на Францию девятьсот рублей и не посмотрели ни на один матч группового этапа. Люди, которые не знают, всегда смотрят. Считают, прикидывают, спорят сами с собой. А вы подошли к доске, как к расписанию электричек. — Он стряхнул пепел. — И ещё вы оставили кассирше десятку на удачу. В девяносто восьмом так делают только те, кто давно не жил в девяносто восьмом.

Андрей молчал. Мимо прогрохотал грузовик с надписью «Хлеб», обдав их сизым выхлопом. У парикмахерской «Локон» две девушки в мини-юбках курили и смеялись над чем-то.

— Пойдёмте, — сказал Павел Семёнович. — Здесь недалеко есть одно место. Кормят прилично, и никто никого не слушает.

* * *

«Одно место» оказалось столовой при управлении речного пароходства — длинным залом с высокими окнами, фикусами в кадках и стендом «Наши ветераны» у входа. Кормили здесь по талонам сотрудников, но Павла Семёновича пропустили без всяких талонов: пожилая раздатчица в белом колпаке кивнула ему, как старому знакомому, и молча положила на поднос два шницеля с пюре.

— Я здесь раньше работал, — пояснил он, когда они сели за столик в углу. — В той жизни. Инженером по навигационному оборудованию, тридцать один год. А в этой уволился в девяносто шестом. Теперь у меня типография. Маленькая, на Заводской. Визитки, бланки, предвыборные листовки. Выборы у нас, знаете ли, самый надёжный бизнес. Кто бы ни победил, листовки нужны всем.

Андрей ковырял вилкой шницель. Есть не хотелось.

— Вы сказали, в девяносто шестом, — медленно произнёс он. — Вы здесь с девяносто шестого?

— С двадцать третьего марта девяносто шестого года. Проснулся в этом теле. Мне было сорок восемь. Сейчас пятьдесят.

— А там... откуда вы?

Павел Семёнович помолчал. Отпил компот из гранёного стакана. Поставил стакан на стол — аккуратно, ровно на мокрый след, который тот оставил на клеёнке.

— Там я умер, — сказал он просто. — В хосписе. Две тысячи тридцать четвёртый год, октябрь. Мне было восемьдесят шесть. Рак поджелудочной. Помню последний вечер: медсестра включила мне радио, какой-то концерт. А потом я открыл глаза — и мне сорок восемь, я на даче, и у соседа по участку орёт приёмник про выборы. Ельцин — Зюганов, помните?

— Помню, — сказал Андрей. — Смутно. Мне было шестнадцать.

— А вам сколько было? Там?

— Сорок. Две тысячи двадцатый.

Павел Семёнович посмотрел на него с каким-то странным выражением — не то жалостью, не то любопытством.

— Двадцатый, — повторил он. — Ковид, маски, удалёнка. Как же, как же. — Он помолчал. — И от чего же вы умерли в сорок лет, Андрей?

Андрей поперхнулся компотом.

— Я не умирал.

— Нет?

— Нет. Я... заснул. Выпил немного, слушал кассету, заснул на полу. А проснулся здесь.

— Выпили немного, — повторил Павел Семёнович без всякой интонации. — И заснули на полу.

Он ничего больше не сказал. Но Андрей вдруг вспомнил: коньяк. Бутылка, почти пустая, на полу рядом с диваном. Две банки пива до этого. Таблетка от давления, которую он выпил утром, — врач предупреждал, что с алкоголем нельзя. И странная тяжесть в груди, когда он в пятый раз нажимал «Play». Он тогда подумал — изжога.

Андрей положил вилку. Руки стали холодными.

— Не надо, — мягко сказал Павел Семёнович. — Я не для того спросил. Я не знаю, как это работает, Андрей. Никто не знает. Может, вы умерли. Может, нет. Может, там, в двадцатом, вы сейчас проснулись с больной головой и пошли на работу, а здесь — кто-то другой, копия. Я два года об этом думаю и понял только одно: думать об этом бесполезно. Мы здесь. Вот и всё.

— А какой он? — вдруг спросил Андрей. — Тридцать четвёртый?

Павел Семёнович долго смотрел в окно. За окном по Волге шла баржа, гружённая песком, и чайки кружились над ней, как мусор над ветром.

— Не спрашивайте, — сказал он наконец. — Честно. Лучше не знать.

* * *

Потом он говорил долго, негромко, методично — как, наверное, когда-то объяснял молодым инженерам устройство эхолота. Андрей слушал и понимал, что этот человек прокручивал эту речь в голове не один раз. Может быть, сотни. Два года — ожидая, что однажды в «Лото-Спорте» кто-то поставит на Францию, не глядя на доску.

— Правило первое, — говорил Павел Семёнович, загибая палец. — Никому. Ни жене, ни матери, ни лучшему другу, ни девушке. Даже если очень хочется. Особенно если очень хочется. Вам не поверят, а если поверят — будет хуже. Я в девяносто шестом рассказал жене. Через месяц она отвела меня к психиатру. Через три — ушла к брату в Тольятти. Она и в той жизни от меня ушла, правда, но в две тысячи втором. Я ей четыре года жизни сократил.

Второй палец.

— Правило второе. Будущее, которое вы помните, — это не расписание поездов. Это прогноз погоды. Чем дальше — тем хуже он сбывается. Я здесь два года, и кое-что уже не так, как было. Мелочи. Сосед мой по даче в той жизни спился в девяносто седьмом, а здесь — нет, потому что я взял его к себе в типографию. И дочь его поступила не в техникум, а в институт. И вышла замуж не за того, за кого вышла там. И у неё родится не тот ребёнок. Понимаете? Каждое наше движение — как камень в воду. Круги расходятся. Сначала маленькие. Потом всё шире.

Андрей вспомнил Витьку. Разговор про «девятку» и Гарика, который по его памяти случился в июле, а здесь — в мае.

— У меня уже, — сказал он. — Кажется. Что-то случилось раньше, чем должно было.

— Вот видите. А вы здесь сутки. — Павел Семёнович загнул третий палец. — Правило третье. Большие вещи держатся крепче, чем маленькие. Дефолт будет. Я в этом почти уверен.

Его делали люди, которые про нас с вами не знают и которым плевать на мелочи в Верхнекамске. Чемпионат мира — скорее всего, тоже. Там слишком много всего должно сдвинуться. А вот ваш личный лотерейный билет, ваша конкретная Людочка в окошке — это уже мелочь. Её жизнь можно поменять одной десяткой на удачу.

— То есть Франция может не выиграть?

— Может, — спокойно сказал Павел Семёнович. — Но вряд ли. Я поставил на Францию ещё в феврале. Полторы тысячи долларов. Не здесь, конечно, — через знакомых в Москве, в нормальной конторе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.